

ОСОБЕННОСТИ КАЛЕНДАРНЫХ ПРАЗДНИКОВ РУССКИХ*

Под Пинежьем и Мезенью мы условно понимаем территорию в бассейнах рек Пинеги и Мезени с многочисленными притоками, протекающими по современным Мезенскому и Пинежскому районам Архангельской обл. Необычайная "живучесть" традиционной праздничной культуры в этих местах, ее оригинальность поражают и продолжают быть объектом исследования и в наши дни.

В очерке предпринимается попытка рассмотреть особенности календарных праздников и обрядности севернорусского крестьянского населения Мезени и Пинеги в первой трети XX в.

Колонизация земель по этим рекам русскими началась еще с XII столетия. Как показывают исторические, этнографические и лингвистические материалы, на данной территории с XIII в. у потомков переселенцев из Новгородской и Ростово-Суздальской земель, позднее, с XV–XVI вв., у переселенцев из Московской Руси сформировался своеобразный комплекс народной культуры. При этом во всём преобладающей была роль новгородских поселенцев, о чем говорят и антропологический облик крестьян, характер расселения, типы поселений, особенности говора – *оканье* и *цоканье*.

Изменения в традиционной крестьянской культуре наметились еще в конце XIX в., прежде всего в районах, где было развито отходничество. "На городской манер" менялся крестьянский быт, появлялись городская посуда, мебель, новые фасоны одежды, широко применялись фабричные ткани.

Во время Первой мировой войны стали нарушаться традиционные связи с городом, что стало поистине катастрофическим в период гражданской войны и послевоенной разрухи. Разрушительные последствия всего этого сказывались и позднее во времена нэпа. Такие обстоятельства заставили крестьян вернуться к наиболее надежной форме хозяйства – натуральной, и, как следствие этого, было возрождение народной культуры – материальной и духовной.

На удивление быстро севернорусский крестьянин вернулся к традиционным формам обработки земли – вплоть до дедовской подсечно-огневой расчистки леса для увеличения посевной площади, ибо пашни было явно недостаточно, чтобы прокормить население в новых условиях. Возрождались забытые способы обработки сельскохозяйственной продукции. Так, в быту вновь по своему прямому назначению использовались ступы и ручные жернова, стали строиться водяные и ветряные мельницы, хотя задолго до революции в губернию ввозилось только обмолоченное зерно. Крестьянки вновь сели за прялку и ткацкий станок, при этом известны попытки возродить давно забытые на Архангельском Севере посевы льна и конопли. В связи с реанимацией традиционных форм хозяйственной жизни возросла и роль неразделенной крестьянской

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 07-01-10003а).

Село Дорогорское, Мезенский р-н. Фото А.В. Фроловой, 2005 г.

Деревня Городецк, Пинежский р-н. Фото А.В. Фроловой, 2004 г.

Дом-шестистенок с балкончиком. Село Сура, Пинежский р-н. Фото А.В. Фроловой, 2004 г.

Памятник в деревне Сояна Мезенского р-на. Фото А.В. Фроловой, 2005 г.

Вид с реки на с. Кимжа Мезенского р-на. Фото А.В. Фроловой, 2005 г.

Николин источник около с. Сура Пинежского р-на. Фото А.В. Фроловой, 2004 г.

семьи – отсюда строительство на Севере в 1920-е годы больших двух-этажных изб-хоромин для таких семей¹. Вслед за изменением "базиса" менялась и "надстройка": в 1920-е годы в деревне возрождались многие формы традиционной праздничной культуры, отмечался ренессанс народных праздников.

С середины 1930-х годов, с началом коллективизации и раскулачивания, затем с периодом индустриализации происходила решительная ломка старой культуры.

К началу XX в. в рассматриваемых районах сохранялось древнее гнездовое расположение селений, характерное для мест первоначального новгородского продвижения². Такое расселение в этих местах было связано с освоением земель семьями родственников или совладельцев, и в дальнейшем, вероятно, оно и послужило возникновению одной из особенностей народного праздничного календаря, так называемых *съезжих* праздников с приуроченными к ним общественно-семейными церемониями перегащивания и пирования. *Съезжжой*, или *пивной* праздник мог приходиться как на *престольные* церковные праздники, так и на местные, обетные (*кануны*), появившиеся чаще всего в память эпизоотии, большого падежа скота в деревне. Такой праздник считался главным в местном народном календаре и только в эти дни устраивались особые многодневные гулянья: мезенские *петровщины*, пинежские *метищи*.

"В каждой деревне свое метище. Вот метище Богородица в Покшеньге, метище Ильин день в Немнюге. Сегодня – праздник, Иван день, в Шотогорке – праздник, на Едоме – праздник, потом в Ёркено – праздник, Иван день, потом в Церкова – тоже..."³.

Местные календарные праздники как варианты общерусского календаря получили семиотическое осмысление и ритуализированные формы в соответствии со всей системой мировоззрения и картиной мира севернорусского крестьянина и оформляли ключевые моменты его бытия. Как и в других районах России, здесь заметно деление года на весенне-летний и осенне-зимний периоды и приурочение большинства обрядов к датам зимнего и летнего солнцестояния; весенний и осенний циклы были достаточно усечены по сравнению с теми же праздничными комплексами Центральной России⁴.

Самыми любимыми зимними праздниками являлись святки и Рождество. Особое состояние астрономического года, каким является зимний солнцеворот, нашло отражение в обрядовой насыщенности святочного периода. От Рождества Христова (25 декабря/7 января) до Крещения (6/19 января) каждый член семьи и сельской общины принимал участие в играх, песнях, обходах домов, ряжении, посиделках с игрищами, гаданиями, забавами, создававшими неповторимую атмосферу святочного веселья. Не случайно бытовала поговорка "Зима – за морозы, а мужик – за праздники".

В рассматриваемых областях новогодние *величальные песни* исполняли с характерным припевом "Виноградые красно-зеленое мое", отчего сами песни получили название *виноградий*. На Мезени на святках их исполняли ходившие по деревням колядовщики со звездой. Эта яркая звезда вертелась на палке, внутри сложной конструкции горела свеча. "Славить идут!" – радовались односельчане, видя процессию. "На Христову славу!" – так говорили хозяин и хозяйка, давая стряпню или деньги славящим Рождество. Кое-кто в деревне не впускал их в избу, мол, подавать нечего, иные в насмешку подавали житный сухарь или

Церковь Одигитриевской Богоматери. Село Кимжа, Мезенский р-н. Фото А.В. Фроловой, 2005 г.

Лодыжки для игры в кости. Село Дорогорское, Мезенский р-н. Фото А.В. Фроловой, 2005 г.

картофельную лепешку. Славящие обижались и могли спеть оскорбительную дразнилку:

Коляда-моляда, обложу ворота,
До заднего двора, не подать пирога,
Тешен-потешен, хозяин повешен,
За задний жолоб, за кобылий волос,
Волос-от сорвался, хозяин-от убился,
Об тын головой, об угол киллой⁵.

Часто исполнение виноградий проходило следующим образом. Молодежь собиралась у кого-либо в доме, хор девушек исполнял виноградья, "припевая" (определяя) каждому парню невесту. Парень в ответ должен был заплатить деньги. Эти же припевы исполнялись не только на святки, но и на свадьбах, и на *беседах/вечерянках*. Северные виноградья по своим тематике и образам близки к свадебной поэзии и не имеют ничего общего с новогодними песнями-заклятиями урожая и семейного благополучия, известными в Центральной России под названием *колядок* и *овсеней*⁶. Виноградья, вероятно, первоначально были видом свадебной лирики, а то, что они перешли в новогодний обряд, связано с изменением отношения севернорусского населения к проводимому ими обряду.

На Пинеге помимо подобных величаний с пожеланиями богатства и благополучия и просьб о вознаграждении получили широкое распространение детские рождественские песенки "Маленький юльчик", исполнявшиеся детьми-христославцами после молитвы.

Я, маленький юльчик,
Сел на стульчик,
В трубочку играю,
Христа поздравляю.
Хозяин с хозяйшкой,
Поздравляю вас с праздником,
С Христовым рождеством!
Подайте пятак,
Отцу на табак⁷.

По своей развлекательной функции эти колядки близки детским потешкам. Как отмечал В.И. Чичеров, "песни такого рода являются новообразованиями в святочной обрядовой поэзии, они свидетельствуют о постепенном превращении серьезного обряда... в игру, в увеселение"⁸.

Ряженые, называвшиеся в разных частях Пинегы и Мезени по-разному, – *снарядихи, наряжонки, шуликуны* – были представлены зооморфными и антропоморфными существами: петух, козел, лошадь, медведь, черт, покойник, цыгане, молодые (жених с невестой), старик со старухой и др. К тому же каждый из этих персонажей становился участником настоящих театральных действий. Сцены с ряжеными проходили с комедийным азартом – прыганием, скаканием, хлестанием, борьбой, непристойными эротическими играми, с диким смехом, криком, притворным драматизмом, напущением страха, испуга. "Ходили, кто как сумеет наредится. И шубы выворачивали для медведя, а другой наряд хороший оденет: сарафан старинный, да платком завяжется. Да все что бы не знали. На лицо марли повесит"⁹. Участники ряженья старались передавать характер своего персонажа, изображая его походку, характер. Медведь ходил на четвереньках, поп был степенным и все время кадил, цыганки представлялись

простоволосыми и попрошайничали. «Мы любили цыганками ходить. Волосы распустим, закосынваемся, в сарафанах долгих, туес или банку повесим и ходим – просим: "Подай, тетушка, ради Христа, у меня детишки исти хочет молочка!" А тебе воды нальют в бутылку и подадут. Словами маленько присказывали, одно слово и вытвердили: махареса мангакырна»¹⁰.

Накануне Рождества хозяйки начинали грандиозную стряпню, причем из белой муки, изредка из просеянной через мелкое сито ячменной. Уходило до трех килограммов сметаны, не один килограмм масла. На масле и сметане пекли *козули*, в большом количестве (полный банный тазик): тесто раскатывали во весь стол, как шнур или ленту, потом ее закручивали в виде спирали. Ели сами, но больше подавали славящим. «Пекли сдобные белые колобки с тремя изюминами сверху, вдавленными в колоб. Стряпали ночью, а с 5 утра, еще в темноте приходили славить подростки. Славили и нищие, они шли днем, часто с большими корзинами, пели и псалмы, и "Рождество твоё" ...»¹¹

Мезенские козули витые, выполненные в технике "лепки из жгута", и пинежские козули, изготовленные как лепные фигурки и как вырезные пряники, – наиболее древнее обрядовое печенье по способу изготовления. Часто их сохраняли до следующего года и разговлялись ими как просфорой после наступления Рождества¹².

В святки существовал особый цикл гаданий. Достаточно полно описала многие виды гаданий в Мезенском и Лешуконском краях С.И. Дмитриева¹³. Одним из самых распространенных на всем Русском Севере было гадание посредством вызывания зрительных образов: высматривание женихов, судьбы в зеркале, в различных емкостях с водой, ложками, лучинами, шейными крестами. Особо отважные гадали в бане. Было гадание и с помощью звуков, когда гадающие, прислушиваясь к определенным звукам, старались их истолковать. Наиболее древний пласт традиционных гаданий связан с предвещанием будущего, для этого применяли *оракул* – гадательную книгу, лубочное издание которой в начале XX в. было известно и в самых глухих уголках России. «На оракуле гадали – это книжка така, в ней круги нарисованы, а в кругах – цифры. Куда попадешь на цифирку, там и ответ высмотришь – то и будет тебе»¹⁴. К старинным типам гаданий относились также гадания на перекрестках (*ростанях*). «Мы (девушки. – А.Ф.) слушать ходили на ростани или к церкви. Круг зачертим и скажем: "Все беси шутите, а в круг не ходите. Большой дьявол мути в яву." Тут захватим все друг друга за пальцы, глаза зашурим и сидим слушаем, кому, что будет»¹⁵.

Большинство девичьих гаданий посвящалось будущему замужеству. Наиболее правдивыми и сильными считались гадания в бане и с петухом: "Нас было 12 девок, с петухом гадали. Жито насыпали и петуха пустили, какую кучку первый ткнет, та и первой выйдет замуж. Огонь погасили, темно, а видим петух заклевал у Люси Бардышевой. Она и первой вышла. А у второй подруги петух против пошел, да и голову так задрал, так и бросил ее мужик, она и умерла»¹⁶. Замужние женщины гадали о здоровье, урожае, судьбе близких.

Девушки предпочитали гадать, а парни – *кудесить*. *Кудеса* (обрядовое озорство) была одним из самых любимых святочных молодежных развлечений Пинеги и Мезени. С Рождества до Крещения парни, подростки вместе и по отдельности насыпали на порог какого-либо дома золу, замораживали двери, разбрасывали *костры* (поленницы дров), опускали глухаринное перо в дымоход.

Куклы. Село Сурское, Пинежский р-н. Фото А.В. Фроловой, 2004 г.: а – тряпичные; б – соломенные

Могли проложить из дров дорожку от дома жениха к дому невесты или к домам влюбленной парочки. "В ведро с водой сажу да еще чего ссыпали и ворота тем обливали, дрова раскидывали. Набирали ледней – замерший навоз и ворота леднями закладывали. Дороги проводили, воды на дорогу нальем от дому к дому. Где девки есть, да жонихи есть, вот и проказили в том доме"¹⁷. Очень любили затащить на крышу сарая сани. «Один раз с ребятами сани затащили на столб. Утром просыпается хозяин саней: "О-о-о, сани-то придется стаскивать"»¹⁸. Существовало строгое негласное правило: нельзя было кудесить во дворе вдовы или стариков. Интересно, что за подобные действия, совершенные в святки, никого не ругали, только посмеивались и подтрунивали над теми, кто стал объектом баловства.

Завершал значимый и для Мезени, и для Пинеги святочный период праздник Крещения. По традиции, в этот день те, кто ходил *наряжонками, снаряжихами*, должны были искупаться, очиститься в *иордани* – крещенской проруби, около которой проходило водосвятие. Священник находил мужиков, которые с помощью камней и топоров вырубали на гладком льду реки большой крест, но лед рубили не до самой воды, а оставляли тонкий слой. Снег кругом разрывали, придавая ему форму чаши (купели). Во время молебна прорубали отверстия во льду в нескольких местах, вода набиралась и крест оказывался заполненным водой. С раннего утра, несмотря на сильные морозы, люди шли к иордани, некоторые, на виду у всех раздевшись, купались в ледяной крещенской воде, затем бежали домой. Считалось, что купание в святой воде излечивает от недугов и болезней¹⁹.

На Крещенский праздник девушки-*шапоцницы* в зимнем праздничном наряде чинно выходили *на воду* и часами стояли у иордани. Так называли на Пинежье ритуал освящения воды во время праздничного богослужения. Этот выход был настоящим зрелищем, на которое собирались вся округа и приезжие гости. Основная цель его заключалась в просватаньи девушки: одевая ее в самое лучшее, показывали невесту, ее красоту, богатство²⁰.

В начале XX в. зимний праздник Масленицы в Мезенском и Пинежском краях, как и в других районах Архангельского Севера, носил лишь развлекательный характер и был уже лишен магической древней основы. На масляной (*мясной, сплошной*) неделе выделялись только четверг и обряды, с ним связанные, и уже не существовало такого четкого деления и названий дней Масленицы как в Центральной и Южной России²¹. Масленица, как справедливо указывал В.Я. Пропп, – праздник сложный, комплексный²², в котором семейно-бытовая, аграрная и поминальная обрядности являлись его составными частями.

Любимым развлечением на Масленицу в исследуемых районах, как и по всей России, было катание с гор. Катались с естественных возвышенностей, со спусков к реке, но чаще специально строили высокие горы. Молодежь сооружала горку – *ледянку* (на Мезени), *катйици* (на Пинеге). Нужно было "вморозить" высокие столбы, используя при этом груды навоза и льда. Делали лестницу, площадку с перилами, поливая их водой на морозе, да еще и обставляли ее елками. Ледяные глыбы добывали на реке и привозили не один десяток бочек воды на лошадях. Горку сооружали каждый год и в разных местах, однако старались, чтобы она располагалась чуть ниже по течению реки и на склоне горы.

Съезжали с гор на обледенелых рогожках, на *ледынках* (специальным образом замороженные льдины), на санях, праздничных санках, обвешанных цепями, звенящими бубенцами. На Мезени особой любовью пользовались распис-

ные санки с тормозом, который выковывали в кузнице и вставляли в середину полозьев. Такие санки полозьями резали лед и неслись прямо по спуску горки. На Пинеге делали расписные санки-*подковки* с железными полосками по всей длине полозьев. Не в каждой семье были подобные праздничные санки. Их одалживали, заранее договаривались перед праздником.

Основные обрядовые масленичные действия разворачивались на горках, были направлены на молодоженов и носили эротический характер. При таких забавах, как *примораживать молодых, солить рыжики* (Пинега), *шапками трясти* (Мезень), молодухи показывали всенародно свою любовь и целовали мужей. На Пинеге молодую заставляли целовать мужа столько раз, сколько захочется окружающим. Если она сопротивлялась, то под сани, на которых молодожены должны были съезжать, лили воду. Когда же молодуха все выполняла, супругов с песнями скатывали с горы. На Мезени "с молодых шапки снимали. Снимут, да трясут и не отдают. Молодая должна мужа поцеловать, и тогда шапку отдадут и с горы их покатают"²³.

На Мезени и в Лешуконье молодоженов заставляли целоваться под шуточную песенку "Сковородочка", которую могли исполнять и на молодежных игрищах, независимо от времени года, во время "поцелуйных игр".

Сковородочка в печи, сковородник на печи.
Немного хлопочи,
Десяточка два блинков испечи.
Двое ходят – двое бродят,
Двое сойдутся – двое обоймутся.
Пришел такой указ:
Целоваться двадцать раз
Не одинаво не даст, а хоть даст, так два раз.
Вени-голик, целоваться велит,
Сито-решето, целоваться хорошо²⁴.

На Масленицу высмеивали молодежь, не вступившую в брак. Существовала пословица "Девушки баски остались до Пасхи – задрали хвосты на Великие посты".

У горок могли разыгрываться целые представления. В с. Дорогорском (Мезень) после *обрядни* (обедни) народ собирался к горке к шести часам вечера и начиналось народное катание часов до девяти. "Кто тут только кого не катал! ... Молодой молодуху должен скатить – таков обычай издавна ведется. Горка с половины жердиной перегорожена – не проскочить. А молодка должна поцеловать молодого мужа, прежде чем сесть на красивые санки. Да и сесть надо по старинному обычаю: отвернувшись в сторону от мужа, а правой рукой держась за его плечо. Мужа не поцелуешь – не пропустят! А посередине горы стоят мужики средних лет также с жердинами, кольями и зорко глядят: кто на горку заходит по лесенке, кто готовится съехать. А веселья и гомона!"²⁵

Старые мужики-шутники приходили с санками, старались прихватить с собой какую-нибудь девушку, а когда тащили ее к горке, то кричали: "Закройте! (т.е. перегородите горку. – А.Ф.). Пусть поцелует!" Но парни шутника не слушали, горку не закрывали, а стоящие сзади еще и подталкивали его, и мужик скатывался один под общий хохот собравшихся. Люди, пришедшие на горку, обязательно пели протяжные песни "Машенька", "Улетает сокол вдаль" и др. В это же время полагалось звать гостей *попавжнать* (поужинать), угоститься. В с. Дорогорском дней, когда приглашали в гости, было всего три. Первый – с катаниями на горке, второй – праздник на "Бору" (гостей приглашают "боровля-

не”), третий и заключительный праздник – у “монастырщины” и “петуховчан”²⁶. Считалось хорошим тоном среди односельчан, когда родственники, даже самые дальние, шли в гости только к своим²⁷.

Распространенным в Масленицу было катание на парах, тройках, одиночных рысаках по селу, поскольку на селе занимались разведением лошадей мезенской породы. Запрягались легкие повозки, или “полукоски”. В них обязательно сзади укладывали ковры, чтобы сельчане видели богатство. Дуги были расписными, тщательно украшали и сбрую, и лошадей. Молодые парни катали девушек, своих невест, молодок. Звенели бубенцы, развевались в гривах и хвостах лошадей ленты, а зрители, в коих было все село, оценивали эти выезды (цв. вкл., рис. 13а).

Как уже говорилось, весенний цикл обрядности был усечен, по сравнению с таким циклом в Центральной России, но сохранялась память в календаре севернорусского крестьянина о ритуальном значении дня весеннего равноденствия. К 22 марта – дню 40 святых мучеников – в деревнях Мезенского края пекли особые *сочни*. Из хорошей ржаной муки парили в печи густую опару, темную, сладкую, хотя в нее сахарный песок не добавляли. Сначала выпекали *корочки* (корж) из дрожжевого теста без начинки, затем на каждую такую корочку выливали полную ложку опары и складывали корочку пополам. Это лакомство запивали обязательно чаем. Сочни имели такое же значение, как каргопольские *тетерки* или *жаворонки* из теста, известные в Центральной России.

С этим днем равноденствия связана и народная примета. Если в этот день с утра мороз – быть 40 дней подряд утренникам с заморозками, пагубными для урожая, которые могут привести и к “лихолетью” (5–7 лет неурожая).

Во время Великого поста отмечали Средокрестную неделю (третью перед Пасхой), *Вербницу* (шестую), на которой выделяли Вербное воскресенье, заготавливая к этому дню *вички* (ветки из вербы). Последняя неделя поста – Страстная, или *Страшная* – была наполнена приготовлениями к встрече Пасхи, и все обряды носили продуцирующий и очистительный характер. Среди дней недели особенно выделялся Чистый (*Страшной*) четверг. Существовало поверье, что если в Чистый четверг до заката *перетрясти богатство* (наряды из сундуков), то весь год богатство не выведешь. В амбарах трясли зерно, чтобы хлеб родился²⁸. В этот день “правили” заговоры, т.е. перечитывали их, чтобы они обладали большей силой. С четверга хозяйки начинали красить яйца, делали *сыр* (сырную пасху), пекли куличи. В течение Страстной недели, как и по всей России, устраивалось коллективное мытье изб. Избы мыли с *дресвой* – специально приготовленной водой, в которой заваривали можжевельник. На Архангельском Севере можжевельнику придавалось особое магическое значение: он спасал от болезней и сглаза (рис. 13в на цветной вклейке).

В д. Тимошеле на Страстную неделю, за неделю до Пасхи, в Великий четверг, подростки и дети поменьше, снимая с голов шапки, старались забросить их на крышу невысокой, выстроенной на сваях, часовни в честь святых Петра и Павла. При этом приплясывали и напевали:

За три Пёзы ушел (или за Печору ушел).
За три дня до Христова дня
Талины протаяли.
Собаки пролаяли,
Волки прорычали,
Медведи пробурчали.
Вся зима прошла, как огнем прожгла.

Собственно весенний цикл обрядов начинался с Пасхи, которая помимо официального церковного обряда сохранила некоторые языческие элементы весенней обрядности (рис. 13 з, д на цветной вклейке).

На Пинеге и на Мезени весь несъеденный на Пасху хлеб и хлебные изделия – пироги, шаньги – собирали, сушили и хранили до следующей Пасхи, когда их и съедали натошак²⁹.

Одним из основных элементов в пасхальной обрядности был обычай качаться на качелях, воспринимавшихся в начале XX в. как развлечение, но имевший, однако, и аграрно-магическое значение – содействовать быстрейшему пробуждению природы. В рассматриваемых областях взрослые парни занимались установлением общественных качелей на высоких столбах, с подвешенными за канаты досками.

В Мезенском крае девушки на качели садились в определенном порядке: одна лицом на юг, соседка – на север и так до заполнения доски. При этом пели песни. На концах досок стояли парни и раскачивали. Оставшиеся ждали очереди. Девушке стоять на качелях было неприлично, да и силенок мало, чтобы сдвинуть с места доску с восемью–десятью девицами.

В Пинежском крае большие качели для взрослых назывались *качулей*. Вешали качели парни, а веревки делали девушки. На качуле помещалось пять–восемь человек (двое стояли по краям доски, остальные сидели), и ставили ее в первый день после Пасхи. Раскачивали очень сильно и высоко.

В период с Благовещения и до Пасхи девушки и невесты исполняли действие – *скакание на доске*. Такая доска была ровной, без сучков, нестроганой, толщиной 2–2,5 дюйма. Желаящие скакать соблюдали очередь. Начинали прыгать парами, если ноги не попадали на доску при приземлении, игрока сменял следующий, и так, кто кого перескачет. Доску на год уносили на повесть (верхний ярус хозяйственного двора), чтобы солнце ее "не разорвало". На Пинеге скакать на досках начинали так же, как и качаться на качелях, – в первый день после Пасхи. Порой опытные скакальщицы подлетали до крыши сарая. В это же время начинали ходить на ходулях³⁰.

Пасха интересна еще и тем, что являлась отправным пунктом начала летних игр, гулянья молодежи переносились на улицу. Так, летние гулянья на Мезени начинались именно на Пасху и продолжались до Ильина дня.

Среди населения Мезени, Лешуконья и Пинеге долгое время сохранялись эти обряды рубежа между зимой и летом, перенесенные там на 1 Мая.

Многие детали мезенских и пинежских первомайских костров явно можно соотнести с проводами Масленицы. Не случайно, что здесь не жгли костры на сам праздник Масленицу; провода зимы и встреча весны были перенесены на более позднее время в соответствии с природными условиями. В деревнях Лешуконского р-на (Юрома, Кеслома, Малые и Большие Нисогоры) и прилегающих к ним деревнях Пинежского р-на (Кулой, Кулогоры) костры жгли не на Масленицу, а 1 мая. «Этот праздник носит название "**Встречи лета**" и по сей день празднуется в деревнях 14 мая (по новому стилю)»³¹.

На Мезени и Пинеге в ночь на 1 мая, на самом высоком "*узоре*" (горе) за деревней жгли костры. Сжигали накопившийся за зиму хлам, смоляные бочки и т.п., костер старались сделать как можно выше. Молодежь вокруг него водила хороводы, пела песни, танцевала, иногда прыгала через костер, когда огонь горел, кричала: "Лето встречаем, зиму провожаем!" О подобных обычаях помнят

старожилы Пинежского, а также Холмогорского районов (рис. 13е на цветной вклейке).

Первомайские костры жгли на определенных, всегда в одних и тех же возвышенных и открытых местах и, как правило, за деревней – на холмах, пригорках, по берегам реки. Местные жители вспоминали: "Как я помню, мы все около реки на угорышке лето-то встречали"³². "Лето встречают у нас на Масленнице. Гора так называется"³³.

Ритуализованный характер костра проявлялся в тщательной подготовке к нему. Материал для костра собирали за несколько дней до праздника и свозили в одно место. Часто это поручалось молодежи, назначался и главный организатор костра. В д. Малое Кротово практиковались даже особые обходы домов, во время которых ребята собирали старые, ненужные вещи. "У нас по деревне ребята даже на тракторе ездили, собирали всякое хламьё, кошели, веники, да всего..."³⁴. От общего костра ребята зажигали факелы и вертели ими в воздухе. Женщины и молодые девушки наряжались в сарафаны и, стоя у костра, пели протяжные песни. "Некоторые парни и девки прыгали через костер, когда он немного оседет"³⁵.

Встреча лета являлась большим праздником, все местные жители считали необходимым участвовать в нем. Общие костры были также делом престижа для всей деревни. Соседние деревни или бывшие околки обычно соревновались друг с другом, чей костер выше, ярче и дальше виден. "За рекой, в Малом Кротове огонь горит, видно, в Земцове видно, в Русковере, в Лохнове..."³⁶. Дым от костра был огромным, поэтому его видели издалека. Также полагали, что пребывание около костра обеспечивало человека здоровьем на весь год. "Даже старые старушки приходили. Все-все были тут. У кого и ноги болят, тоже придут, посидят на бревнышке"³⁷. От величины костра, от подобного ритуального "подкрепления" природного порядка зависело благополучие и всего года. Отсюда та продуцирующая магия, которая должна была обеспечить крестьян хорошим урожаем. Во время праздника примечали: чем ярче и больше костер, тем жарче будет лето и урожайнее год. "Костер большой, жаркий! У-у, како лето жарко будет! Тако лето и было"³⁸.

Обрядовый костер являлся проводником жертвоприношений, посредником между людьми и потусторонним миром. "Как лето встретим, сразу погода мягче станет"³⁹. "Лето встречаем обязательно, каждый год, чтоб лето хорошее было"⁴⁰.

Среди весенних народных праздников важное место занимал Егорьев день – 23 апреля по старому стилю, 6 мая по-новому. Дата имела важное место в народном календаре. Повсеместно на Русском Севере бытовала поговорка, имевшая к тому же и характер приметы. "Егорий – с водой, так Николай – с травой", т.е. если к 6 мая начнется ледоход, то к 22 мая луга покроются травой.

Специфику обрядов этого дня повсеместно отличала животноводческая направленность. В сознании мезенца и пинежанина прочно укоренилось, что первый раз выгонять скотину нужно обязательно на Егория; если же этот обычай нарушить, то со скотиной может случиться несчастье. "Егорьев день – коровушка именинница. Угощали, пекли пироги и угощали коровушек. Тогда всю корову освящали, да обмывали Богородской травкой всё. Благовещенский день не выпускали коров. Какой день Благовещенский, в тот день не выпускали коров... Примета така"⁴¹.

И на Мезени, и на Пинеге, где нередко в это время еще лежал снег, первый раз скот выгоняли на Егория, хотя такой выгон чаще имел чисто символический характер: по-настоящему начинали пасти скот с Николы Вешнего, но основные обряды справляли все-таки в Егорьев день. Если подножного корма не было, скот могли выгонять даже на один день, а затем, после перерыва – на Николин.

В ритуал первого выгона входило обрядовое кормление скота с заклипаниями. Кормили колобами, испеченными в Великий четверг. Насколько важен был для севернорусского крестьянина этот день, говорит появление местного праздника *Крестный ход*. В с. Дорогорское Мезенского у. в весенний праздник Егорьев день был крестный ход. Многие его так и называли – день Крестного хода. Причем сельчане четко разделяли весенний – *Егорий*, а осенний – *Юрьев* день. Егорий считался покровителем скота и земледелия. Один раз в году у часовни, построенной сообща околотками сел Гора, Монастырщина, Бор, собирались люди. Приезжал священник из д. Кимжи, кропил святой водой скот.

В день Крестного хода впервые жители села выгоняли скот на пастбище. Сначала сгоняли его на гору на окраине села, приносили иконы и затем начинался молебен. Все стояли около своего скота с вербами в руках. Проходящий скот прыскали святой водой, а телят кропили этой водой дома, на луг не выгоняли. Коровы мычали, словно вели переключку. Овец кропили святой водой первыми и поскорее провозжали с угора на луг к пастуху-ненцу Митрию. Последними шли быки-производители с мятой в зубах. Шли они солидно, изредка поднимая головы, когда на них попадала святая вода.

После освящения скота все с иконами, крестами спускались с горы, шли по лугу, где пасся скот, к устью р. Пёзы, до переправы через нее, затем лесными тропами доходили до сельского кладбища, где у больших крестов стояли столы с едой. Идущие служили молебен, потом процессия обходила село и служила молебны каждому кресту, поставленному в селе. Хозяева крестов угощали несущих иконы, священника, дьякона. После полного обхода крестов, а на селе их было не мало, иконы возвращали в церковь⁴².

Важную роль в обрядах первого выгона скота играли пастухи, так как деревенская община именно им вручала свое стадо. Повсеместно был распространен обычай обходить стадо с оберегом – замком, топором, иконой в руке, при этом обязательно читался заговор или особая молитва. Пастух обязан был знать подобные заговоры-*отпуска* и молитвы, крестьяне особенно обращали на это внимание. Не случайно во многих северных районах, в том числе на Мезени и Пинеге, к пастухам часто относились как к колдунам и наделяли их определенной сверхъестественной силой. К выбору пастуха подходили очень строго, внимательно следили за соблюдением им обрядов. На Архангельском Севере животноводство – важнейшее занятие, чаще даже более первоочередное, чем земледелие. В отличие от среднерусских районов, пасти стадо приходилось не на лугах, а на небольших полянах, далеко от деревни (община берегла сенокосные луга), где возрастала опасность исчезновения животных и нападения на стадо диких зверей. Конечно же, знание пастухом заговоров-отпусков и других магических обрядовых действий, по мнению севернорусских крестьян, должно было обеспечить безопасность стада. Кроме того, часто считалось, что пастух связан с *лесовиком* (лешим) и может с ним договориться о сохранности и благополучии животных.

Следующим летним праздником была Троица. Это очень широко и разнообразно отмечаемый праздник в России, но в Мезенском и Пинежском краях он не отличался особым богатством обрядов. Наиболее распространенным было украшение зелеными березками домов как изнутри, так и снаружи, а также улиц. *Завивание березки, кумление* девушек и их общая трапеза на праздник, столь распространенная в среднерусских районах, в 1920-е годы в рассматриваемых районах не отмечались. Однако местным жителям хорошо знакомы сам термин *кумиться, кумление* и его значение. И именно девушки употребляют его и по сей день. "Мы с подружкой покумились, давай покумимся...", – так говорят о своеобразной игре – отголоске обряда, в котором четко осознается значение не просто дружбы, а более крепкой и религиозной связи.

Среди летних праздников выделялся, конечно, Иванов день, Иван Купала (24 июня/7 июля) – один из важнейших народных годовых праздников. Большое значение, придававшееся купальской обрядности, было обусловлено временем, в которое она совершалась – это был день летнего солнцеворота, самый длинный день в году. Особенно широко, с разжиганием костров и изготовлением обрядового чучела, гуляньями и т.п., этот праздник отмечался в центральных и южнорусских районах.

Как писал в 1890 году А.И. Соболевский, "северная обрядность уже, можно сказать, утратила Купалу"⁴³. В Пинежском у. отголоски былого обрядового комплекса можно увидеть в устраиваемых накануне дня Ивана Купалы драках, явно носивших ритуальный характер, поскольку в боях участвовало почти все мужское население деревень, от подростков до женатых мужчин. Одна деревня дралась с другой, Городецк шел на Лавелу, в Суре дрались разные концы большого села.

На Мезени и Пинеге сохранились и своеобразно развились некоторые черты купальской обрядности, основными из которых были сбор трав и гадание. Ночью на Иванов день собирали различные травы, которые будучи собранными именно в этот день, наделялись, по мнению крестьян, особой силой. Первоначально собирали травы для лечения и ворожбы/гадания (мезенские и пинежские названия *плакун-трава, изгон-трава*). Но в начале XX в. травы, собираемые девушками, использовались в основном не для целебных целей, а для "присушивания", "привязывания" к себе любимых (*вязель-трава*)⁴⁴.

У русских повсеместно сохранился обычай начинать купаться под Иванов день. В суровых климатических условиях Архангельского Севера сформировался своеобразный купальский ритуал, сочетавший омовение водой с целебными травами. В Пинежском и Мезенском краях накануне Ивана Купалы обязательно парились в бане, для чего готовились специальные веники, в которые вставляли различные травы и цветы.

Эти же веники служили и для гадания: после бани девушки выходили к реке и смотрели, поплывет или утонет брошенный в нее веник: в какую сторону веник поплывет, в ту сторону девушка и замуж выйдет. Взрослые и пожилые гадали о здоровье и судьбе. Если поплывет – год проживешь, утонет – в этот год умрешь. Можно предположить, что веники заменили более древний обычай – бросать в воду венки и гадать по ним о судьбе. Показательно, что в Архангельском крае венки не плели, здесь, по-видимому, сохранилась память об использовании венков в древности. В других местностях у русских венки стали атрибутами празднования Троицы. Включение же в купальский ритуал

парения в бане на Мезени и Пинеге привело к тому, что венки стали заменяться венками, это объяснялось не только климатическими условиями, но и большим значением бани в быту севернорусского крестьянина.

Петров день (29 июня/12 июля), по времени непосредственно примыкавший к Иванову, воспринимался вместе с Купалой как единый праздничный цикл. На Мезени, как и на Пинеге, в этот день бывали гулянья молодежи с хороводами. Примечательно, что именно в Мезенском крае Петров день дал название особым летним гуляниям – *петровщинам*, которые могли исполняться в разные летние праздники, от Пасхи до Ильина дня. Бытовала поговорка, если народу было много, а порядка мало – "собралась целая петровщина, бегают, а дела не видно".

Петровщина – очень оригинальный и интересный вид народного гулянья, которое происходило всегда в престольные и съезжие праздники. В с. Дорогорском петровщина проходила на Санковом ручье на мосту. Середину моста тщательно выметали, убирая всю весеннюю грязь. Мост во время гуляний не вмещал всех зрителей.

Девушки и кавалеры села, свои и приезжие из других деревень, наряжались во все самое лучшее. Разряженные девушки становились в ряд, образуя круг, причем места в кругу занимали по ходу солнца и пофамильно: поочередно сначала вставали девицы из богатых семей или тех, что были первыми среди заселивших эти места. Самыми почетными были Пярасовы, которых называли *хваленки*, за ними шли Потруховы, Петровы, Мылюевы, сзади шли Быковы, Макурины, Дерягины, Дедеулины. Еще дальше них в круг становились девушки, чьи предки пришли из других деревень: Видякины, Епишкины, Лочехины, Сидоровы. Молодежь пела и "водила круги", строго следуя пара за парой. О соблюдении подобного порядка писала С.И. Дмитриева, связывая потомков коренных фамилий с землевладельцами Великого Новгорода – *своеземцами*⁴⁵. На таких гуляньях родители и высматривали будущих невесток и зятьев. Круги водили одни лишь девицы, пели и ходили по кругу, притоптывая в такт каблучками. Петь им помогали молодки, разряженные в *кованые* повойники и *кустышки*⁴⁶ (рис. 11а–ж на цветной вклейке).

В других деревнях Мезенского у. петровщина могла состоять из серии танцев, называвшихся *застенок*, *столбы*, *круги*. В первых двух принимали участие только девушки и молодки первого-второго годов замужества. Застенком называли процессию девушек, участниц праздника, которые шли вдоль по улице парами, образуя две колонны. Девушки пели протяжные песни. Когда участницы доходили до места проведения гулянья, как правило, луга на окраине деревни, то одна колонна поворачивала направо, другая – налево. Столбами называлось пение девушек на лугу, где они также парами неподвижно стояли в кругу⁴⁷.

На Пинеге большие гулянья, проходившие в тот же период и в другие местнотчимые дни, назывались *метйцем*. Одним из любимых летних праздников, на которые устраивались огромнейшие многодневные гулянья, была Святая пятница, или Девятая пятница, т.е. девятая пятница по счету после Пасхи.

Пинежские метища аналогичны мезенским петровщинам, как, впрочем, и поморским кругам. По-видимому, они являются специфическими для разных местностей отголосками изначально ритуальных летних праздничных девичьих гуляний и танцев.

Речные переправы. Пинежский р-н. Фото А.В. Фроловой, 2004 г.: *a* – мост через р. Поганец; *б* – висячий мост через р. Сура

В начале XX в. петровщины на Мезени, как и пинежские метища, воспринимались уже не как обрядовые танцы, а как своеобразные общественные смотри невест. Н.П. Колпакова, побывавшая на Мезени в 20-е годы XX в., описывала мезенские гуляния именно с этой точки зрения⁴⁸.

В Мезенском и Пинежском краях отмечали *сьезжсой* праздник Прокопьев день (8/21 июля). В д. Кимжа девки и вдовы съезжались к этому празднику, чтобы наняться на всю страду и жатву в няньки или работницы. В других областях Русского Севера и в Центральной России в этот день чтили Богородицу. Затем шел Ильин день (20 июля/2 августа) – всё это отмечаемые праздники, во время которых проходили широкие молодежные гулянья с хороводами (рис. 13 ж, з, и на цветной вклейке).

В 1927 г. экспедиция Государственного института истории искусств отметила существование на Пинеге своеобразного *кануна* – праздника женщин, который устраивался накануне Петрова или Ильина дня, исключал присутствие мужчин и позволял собравшимся в отдельной избе женщинам запираяться изнутри, угощаться, "крепко" выпивать, а затем, выйдя на улицу, петь разудалые песни и плясать допоздна⁴⁹. Можно предположить, что это явление связано со смещением женской троице-семицкой обрядности, и, возможно, сказалась сильная деформация летних календарных праздников.

Из трех праздников во имя Спаса, относящихся уже к осеннему циклу, – одних из самых любимых праздников среди русских центральных и южных районов России – на Архангельском Севере отмечали один – Спасов день (6/19 августа), поскольку медовый и яблочный Спас для Севера менее значимы, так как там не занимались пчеловодством и садоводством.

Покров, праздник Покрова Богородицы (1/14 октября), повсеместно по всей России и Архангельском крае был началом осенних молодежных *бесед/вечерянок*, и именно с Покрова начинали справлять свадьбы. На Пинеге вечерние собрания молодежи с обязательным рукоделием для девушек назывались *сижонками*. Они продолжались до святок, а затем, после перерыва на праздники, шли до Великого поста.

Казанская (Праздник иконы Казанской Божьей Матери 22 октября/4 ноября), Михайлов день (8/21 ноября), *Еданьев* день (Введение Пресвятой Богородицы во храм 21 ноября/4 декабря), Прокопий Зимний (22 ноября/5 декабря) и Никола Зимний (6/19 декабря) – праздники начала зимы были по сути своей праздниками сбора урожая; в эти дни открывали ярмарки, молодежь устраивала *игрища*. По традиции, крестьянская община отмечала эти праздники в форме *ссыпчин* – совместных пивных трапез, к которым сообща, всем миром, варили пиво или брагу, готовили обильное угощение.

Необходимо сказать, что употребление пищи и напитков, являвшихся составной частью календарных праздников и приуроченных к ним обрядов, в народной традиции регламентировались социальными нормами. В любом праздничном застолье неукоснительно соблюдались определенные правила подачи кушаний, установленные местной традицией. Каждое блюдо подавалось по заведенному порядку, существовали знаковые блюда, заканчивающие праздничную трапезу. На Пинеге – это кисель. "В конце каша рисовая, пшенная, обычно-то здесь рисовая и потом – кисель. Это уже выгон из-за стола. Выйдут, все уберут со стола, потом чай, обязательно"⁵⁰. На Мезени – яичница. Она считалась *выгоном*, или *разгонным* блюдом, т.е. последним

Девичьи посиделки. (Из кн.: *Пермиловская А.Б. Указ. соч. С. 213*)

за ужином для гостей – знаковым блюдом, завершавшим праздничную трапезу.

В праздничном угощении видное место занимала мясная пища. Кроме мясного супа и вареного мяса делали "жаркое", преимущественно из баранины⁵¹. Также на праздничный стол выставляли по четыре-пять видов разнообразной запеченной и жареной рыбы, в том числе семги⁵².

К мучным изделиям, имеющим знаковую, праздничную символику, в календарной обрядности Мезени и Пинеги относятся *шаньги*, часто заменявшие блины, *козули*, сочни, *калитки*.

Название "козули" ("коровки", "баранки", "рогушки", "козульки") связано с изображением рогатых животных. Они символизировали силы плодородия. Имелось несколько видов этой обрядовой выпечки. На территории Пинежского у. Архангельской губ. был распространен промысел холмогорской козули. В этнографическом материале волостного писаря Пинежского у. П. Иванова, собранном в 70-е годы XIX в. для П.С. Ефименко, отмечено: "К Рождеству стряпаются козули из ржаного теста; изображают овец с рогами и без рогов, коров, оленей с ветвистыми рогами; болванят из теста уточки в виде кур"⁵³. Испеченные козули сохранялись до следующего года, ими разговлялись как просфорой после наступления Рождества. На Мезени изготавливали *мезенские козули* – витое обрядовое печенье в форме фигурок животных, птиц, выполненное в технике лепки "из жгута".

К сакральной еде, имеющей ритуально-магическую функцию, принадлежали крашеные пасхальное яйца, *сыр* (сырная пасха).

Из традиционных праздничных алкогольных напитков здесь было широко распространено домашнее пиво или брага. Пиво – не просто праздничный

напиток Пинеги и Мезени, ведь съезжие праздники назывались также и пивными праздниками. Пиво готовили по специальным рецептам. "Зерна ржи проращивают на печи до беленьких росточков, тогда зерна делаются сладкими. Это и есть солод. Солому и солод на жерновах превращают в муку, которую потом высыпают в корчаги. У корчаги есть отверстие, которое закрывается, когда сосуд (корчагу) ставят в печь после истопки. Корчагу ставят на полочки с их помощью вынимают. Может не один раз поставят. Открывают отверстие, и оттуда вытекает сладкое густое сусло, в него кладут хмель для крепости, еще постоят немного и пьют. На Николин день варили. *Братыни* были и пили все по очереди из нее. *Братыня* – сосуд медный с носочком. Блестящая такая, ее перед каждым праздником начищали"⁵⁴. "Пиво готовили как брагу. В лагунах. Хмель нужно, хлеб сухой спустят немного, это всё водой горячей залиют, кипятком. И вот она чуть красновата будет, песку ложат обязательно, скоко надо. Семь логунов, помню, ушатов таких приготовят, вино дорого. Тоже варили и пили"⁵⁵.

Обрядовые кормления скота праздничной пищей происходили на Рождество, Благовещение, в Чистый четверг, на Пасху, в Егорьев день и в дни первого выгона скота на Николу Вешнего.

В первой трети XX столетия в дни больших православных и съезжих праздников праздничный крестьянский костюм оставался обязательным для молодежи и взрослого населения. Девушки брачного возраста "выставлялись на смотры", показывая себя и свою одежду потенциальным женихам и их родителям. Кроме того, праздничный костюм был обязателен во время свадеб. Такое наблюдение сделал М.Б. Едемский в деревнях на Пинеге в 1921–1923 гг. По его словам, невеста всегда одета в традиционный костюм, даже если вся деревенская молодежь одета по праздникам в модные костюмы⁵⁶.

Зимняя праздничная одежда русских Мезени и Пинеги конца XIX – начала XX в. сохранилась гораздо хуже по сравнению с летней. До нас дошли только некоторые предметы мужских и женских зимних нарядов.

Северный праздничный костюм как замужней женщины, так и девушки составлял сарафанный комплекс, включавший рубаху, сарафан, передник, пояс и многочисленные дополнительные детали, главным образом украшения. Отдельно необходимо сказать о женских и девичьих головных уборах, которые и придавали неповторимый колорит севернорусскому праздничному костюму, долгое время сохраняли свою сакральность (рис. 11а–ж на цветной вклейке).

На Мезени и Пинеге, как и на всем Русском Севере, праздничный головной убор являлся одной из самых ярких и важных деталей народного костюма. Женские уборы северянок отличались большим разнообразием. Так, по головному убору еще в начале XX столетия можно было определить социальный статус женщины, достаток семьи, ее региональное происхождение. Характерная особенность девичьих головных уборов – открытый верх. В основе любого убора, независимо от его конструктивных особенностей, лежит круг или полукруг. Названия уборов были различны: *повязка, перевязка, лента, венец, коруна* и др. Высокие девичьи повязки носили практически во всех уездах Архангельской губ. Большинство повязок представляло собой широкую полосу высотой 20–25 см на твердой основе, обшитую позументом фабричного производства. Нижняя лицевая часть повязки заканчивалась изящной поднизью в виде жемчужных фестонов. Завязывалась на затылке широкими лентами с позументом, чаще красного цвета, однако в Пинежском у. предпочтение отдавали голубым и синим лентам.

Сарафан набивной – *синяк*. Село Сура, Пинежский р-н. Фото А.В. Фроловой, 2004 г.

Женские наряды. Деревня Городецк, Пинежский р-н. Фото А.В. Фроловой, 2004 г.

Повойник *кованый*. Мезень. (Из кн.: Народный костюм и современная молодежная культура. Архангельск, 1999. С. 91)

В музейных коллекциях Архангельска и Вологды хранятся редкие свадебные головные уборы: *плаечи*, *коруны*, *головодцы*, бытовавшие ранее как праздничные головные уборы, но к концу XIX в. ставшие свадебными головными уборами невесты, на что указывала Г.С. Маслова в своем исследовании⁵⁷.

Самыми распространенными женскими головными уборами на Мезени и Пинеге, как на всем Архангельском Севере, к концу XIX в. становятся *повойники*. Это мягкий головной убор в виде небольшой шапочки-чепца из легкой, главным образом фабричной ткани. Повойники постепенно заменяли собой более сложные головные уборы – кокошники, которые делались на твердой основе и были не очень удобны при ношении. В Пинежском, Мезенском уездах повойники повязывали

сверху сложенной шелковой косынкой, оставляя спереди торчащие концы – *кустышки*, *кусты*, которые в разных местностях делали по-своему, придавая костюму своеобразный локальный колорит. Повойники Мезенского у. с круглым донцем были украшены цветочными узорами золотого шитья, настолько плотным и объемным, что их называли *коваными кустышками*. Большинство повойников из Мезенского у. сшиты из парчовых тканей. Пинежские повойники шились из шелковых тканей, чаще всего красного цвета (рис. 11д, е, ж на цветной вклейке).

Исследователи русской одежды считают, что зимние женские и девичьи головные уборы встречались довольно редко среди крестьян и бытовали в середине XIX в. в основном на Русском Севере и у казачек на Дону⁵⁸. Зимой девичьим праздничным головным убором являлась *шапочка*. Об этом писал еще П.С. Ефименко: "Шапки-мезенки заменяют деревенским женщинам капоты барышень"⁵⁹. Обладательниц такого головного убора, который имели только богатые крестьянские семьи, называли *шапочницами*. Носили шапочку с длинными, шелковыми лентами, которые закреплялись на затылочной части головного убора. Лент могло быть от трех до пяти, верхнюю ленту, как правило, самую красивую, складывали бантиком – *ушками*, оставляя при этом два длинных конца. Под шапочку, как и под повязку – летний девичий головной убор, надевали несколько белых и красных ситцевых платков и так, чтобы виднелась только небольшая кромка белого и красного цветов.

Наряд с шапочкой бытовал на Пинежье до 30-х годов XX в. Выхода шапочниц на Рождество, Крещение, Сретение, Масленицу ждали, это было настоящее зрелище, на которое собирались вся округа и приезжали гости. На Крещение шапочницы чинно выходили на воду, к иордани во время праздничного богослужения, во время масленичных гуляний, как правило, только в субботу, перед Прощеным воскресеньем.

Зимой поверх шубки, как и в летнем праздничном костюме, на плечи девушки накидывали шали, сверху надевали еще и три алых шелковых платка, укладывая их в строго определенном порядке. Завершали такое убранство нагрудные украшения: серебряные цепочки с крестами, которых могло быть от трех до пяти. Цепи переплетали вместе с янтарными бусами. Количество янтарей также могло доходить до пяти. Грудь девушки в таком убранстве выглядела массивной, как в кольчуге. В зимнем варианте украшения одевали непосредственно на шубку. Шейным украшением являлась также узкая полоска льняной ткани, расшитая бисером или речным жемчугом, украшенная перламутровыми плашками. Называлось такое украшение *перлышко*, *перло*; оно плотно закрывало шею девушки и застегивалось сзади.

Необходимо отметить, что повсеместно в деревнях Архангельского Севера корреспонденты Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии уже с 80-х годов XIX в. отмечали большое распространение городской одежды (одежды европейского образца), причем новшества появлялись прежде всего в костюмах молодежи.

Распространение городской моды отчетливо проявилось на Мезени. Не только в городах, но и в деревнях и селах широко распространились ансамбли-парочки, состоящие из юбки и кофты и сшитые из одинаковой по цвету ткани, *гарнитур*ы – платья, сшитые из покупной ткани, тафты, штофа. В отделке этой одежды использовались как традиционные элементы – широкие полосы нашитого машинного кружева на подоле, так и городские – защипы и пышная оборка из широкого кружева на лифе. Праздничный костюм обязательно дополняли шелковые платки, шали или кружевные косынки.

* * *

Процесс изменения традиционного содержания в календарных праздниках, начавшийся еще в XIX в. в связи с развитием новых социально-экономических отношений и усилением влияния городских форм культуры, в Мезенском и Пинежском краях был особенно ошутим лишь с 1930-х годов. В первой трети XX в. здесь еще существовал традиционный праздничный аграрный календарь со своеобразными обрядовыми комплексами, приуроченными к крупным, в основном церковным праздникам и включавшими при их проведении как исполнение разнообразных фольклорных жанров – песен, частушек, приговоров, танцев, хороводов, игр, драматических инсценировок, так и применение произведений народного искусства – костюмов ряженных, своеобразного реквизита и др. Обряды, возникшие как аграрно-магические действия, постепенно утрачивали свою первоначальную функцию и становились в значительной степени простым развлечением, забавой.

В целом на календарные праздники русских Мезени и Пинеги, а также на обычаи и обряды, к ним приуроченные, большое влияние оказал климатический фактор. По мере продвижения к берегам северных морей убывала роль земледелия и возрастала роль охоты, рыболовства, северного животноводства и морского промысла. В местах, в той или иной мере сохранивших земледелие, учитывался еще один существенный момент – сдвиг сроков сезонных работ (поздняя весна, ранняя зима). В связи с этим происходили трансформация и исчезновение отдельных элементов традиционного обрядового календаря, аграр-

ного в своей основе. Суровость природных условий, ограничение и колебание временных рамок хозяйственных занятий, постоянная необходимость следить за малейшими погодными изменениями для поддержания жизненного ритма – все это обусловило в целом раннее изживание древней аграрно-магической основы и трансформацию многих обрядовых форм в празднично-игровые, такие как зимние *катіци* (горки), катания на лошадях, смотрение невест и молодых на иордани, *метіци*, *петровщины*, игровые беседы, *игріци*, вечеринки и т.п. Необходимо отметить, что в зимней и весенне-летней календарной обрядности рассматриваемых районов в большей степени, по сравнению с Центральной Россией, развиты брачные (эротические) элементы.

Темы плодородия, брака, свадьбы присутствуют почти во всех обрядах, песнях, играх, сопровождавших праздники святочного и летнего циклов. Это дает возможность предположить, что данные элементы могли быть поздним видоизменением дохристианских брачных (эротических) игр, проводимых в период зимнего и летнего солнцеворотов, которые имели когда-то широкое распространение у славян и фрагментарно сохранились у севернорусского населения Мезени и Пинеги. Обычаи эти не были строго закреплены за определенными днями и передвигались в небольших пределах в зимние и летние месяцы.

¹ Трошина Т.И. Разрушение традиционной крестьянской культуры // Народная культура и музеи под открытым небом. Пути сохранения и возрождения традиционной культуры. Архангельск, 2000. С. 112.

² Русский Север: этническая история и культура. XII–XX века. М., 1997. С. 92–93.

³ ПМА. 2003 г. Записано от М.А. Суховерова, 1931 г.р., д. Шотова Пинежского р-на.

⁴ Дранникова Н.В. Фольклор Архангельского края. Архангельск, 2001. С. 24–26.

⁵ АКФ МГУ. Северная экспедиция. Лето 1976 г., д. Большие Нисогоры, Лешуконский р-н. Тетр. 13 (33). № 1–3.

⁶ Дмитриева С.И. Фольклорные исследования на Мезени // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М., 1972. С. 261.

⁷ Обрядовая поэзия Пинежья. М., 1980. С. 23.

⁸ Чичеров В.И. Зимний период русского землевладельческого календаря XVI–XIX веков. М., 1957. С. 142.

⁹ ПМА. 2003 г. Записано от А.А. Козьминой, 1931 г.р., д. Ваймуша Пинежского р-на.

¹⁰ АКФ МГУ. Северная экспедиция. Лето 1976 г., д. Койнас Лешуконского р-на. Тетр. 7 (176). № 9.

¹¹ Архив Дорогорского дворца культуры Мезенского р-на. Фонд краеведа Е. Поднебесниковой.

¹² Онучина Т.А. Вырезной архангельский пряник в системе северного обрядового печенья // Хлеб в народной культуре. М., 2004. С. 154.

¹³ Дмитриева С.И. Фольклор и народное искусство Европейского Севера. М., 1988. С. 20–23.

¹⁴ АКФ МГУ. Северная экспедиция. Лето 1976 г., д. Большие Нисогоры Лешуконского р-на. Тетр. 30 (82). № 10.

¹⁵ Там же. № 16.

¹⁶ ПМА. 2005 г. Записано от А.Е. Красиковой 1924 г.р., д. Союны Мезенского р-на.

¹⁷ ПМА. 2004 г. Пинежский р-н; 2005 г. Мезенский р-н.

¹⁸ ПМА. 2006 г. Записано от А.А. Крапивиной 1980 г.р., в д. Союны Мезенского р-на.

¹⁹ МИКМ. РО. Д. 1105. Хозяйство и социально-экономические отношения мезенских крестьян. С. 13.

²⁰ Народный костюм. Архангельск, 1999. С. 76.

²¹ См.: Тульцева Л.А. Календарные праздники и обряды // Русские...; Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов (XIX – начало XX в.). М., 1979.

²² Протт В.Я. Указ. соч. С. 18.

- ²³ АКФ МГУ. Северная экспедиция. Зима 1976 г., д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на. Тетр. 8 (22). № 8.
- ²⁴ Там же. Д. Большие Нисогоры Лешуконского р-на. Тетр. 7 (20). № 8.
- ²⁵ Архив Дорогорского дворца культуры Мезенского р-на. Фонд краеведа Е. Поднебесниковой.
- ²⁶ Разные концы (околотки) большого с. Дорогорское.
- ²⁷ Архив Дорогорского дворца культуры Мезенского р-на. Фонд краеведа Е. Поднебесниковой.
- ²⁸ *Дранникова Н.В.* Материалы к Пинежскому этнодиалектному словарю // ЖС. 2000. № 1. С. 47; ПМА. 2004 г. Деревни Сура и Городецк Пинежского р-на.
- ²⁹ *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. М., 1877. Ч. 1. С. 141.
- ³⁰ См.: *Новикова Е.С., Фролова А.В.* Народный игровой календарь русских крестьян (по материалам Архангельской области) // Полевые исследования Ин-та этнологии и антропологии РАН. М., 2001.
- ³¹ *Дмитриева С.И.* Указ. соч. С. 30.
- ³² Записано Т.В. Хромцовой в 2001 г. от А.Ф. Хромцовой, 1915 г.р., д. Городецк Пинежского р-на.
- ³³ ПМА. 2003 г. Записано от М.А. Кузьминой, 1936 г.р., д. Большое Кротово Пинежского р-на.
- ³⁴ ПМА. 2003 г. Записано от Е.В. Земцовой, 1930 г. р., д. Малое Кротово Пинежского р-на.
- ³⁵ ПМА. 2004 г. Записано от А.И. Ширяевой, 1931 г.р., д. Остров Пинежского р-на.
- ³⁶ ПМА. 2003 г. Записано от М.А. Кузьминой, 1936 г.р., д. Большое Кротово Пинежского р-на.
- ³⁷ ПМА. 2003 г. Записано от А.А. Хромцовой, 1930 г.р., д. Остров Пинежского р-на.
- ³⁸ ПМА. 2004 г. Записано от А.И. Ширяевой, 1931 г.р., д. Остров Пинежского р-на.
- ³⁹ ПМА. Записано в 2003 г. Т.В. Хромцовой в д. Малое Кротово Пинежского р-на от Е.В. Земцовой 1930 г.р.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ ПМА. 2003 г. Записано от Ф.С. Рубцовой, 1920 г.р., д. Немнюга Кеврольского с/с Пинежского р-на.
- ⁴² Архив Дорогорского дворца культуры Мезенского р-на. Фонд краеведа Е. Поднебесниковой.
- ⁴³ *Соболевский Н.И.* К истории народных праздников в Великой Руси // ЖС. 1890. № 1. С. 259.
- ⁴⁴ МИКМ. РО. Д. 1105. Фольклор и обрядность Мезени. С. 14.
- ⁴⁵ *Дмитриева С.И.* Указ. соч. С. 58.
- ⁴⁶ МИКМ. РО. Д. 1105. Фольклор и обрядность Мезени. С. 15–16.
- ⁴⁷ *Бернштам Т.А.* Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX века // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978. С. 55–56.
- ⁴⁸ *Колпакова Н.П.* У золотых родников. Л., 1975. С. 169.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ ПМА. 2003 г. Д. Ваймуша, Пинежский р-н.
- ⁵¹ ПМА. 2003 г. Холмогорский р-н.
- ⁵² ПМА. 2003 г. Записано от Е.С. Лысцева, 1929 г.р., д. Ваймуша Пинежского р-на.
- ⁵³ МИКМ. РО. Д. 1105. Фольклор и обрядность Мезени. С. 147.
- ⁵⁴ Записано в 2005 г. М.А. Крапивин от Л.А. Бредышевой, 1925 г.р. Мезенский р-н.
- ⁵⁵ ПМА. 2005 г. Записано от А.Е. Красиковой, 1924 г.р., д. Союны Мезенского р-на.
- ⁵⁶ *Едемский М.Б.* Этнологические наблюдения в Пинежском крае Архангельской губернии в 1921 году // Север. 1923. Т. 3. С. 205.
- ⁵⁷ *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 159–170.
- ⁵⁸ *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX – начала XX века // Русские: историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 235.
- ⁵⁹ *Ефименко П.С.* Указ. соч. С. 58.